ОКСИТАНИЯ

ЛЕГЕНДА О КАРКАССОНЕ

1-е действие

Первое действие – сказочное. Фантастическое. Основано на «Легенде о Каркассоне» одного английского писателя-аристократа…

Глядя в окно на проплывающие по небу багровые закатные облака, Эдвард Джон Мортон Драксон Планкетт, 18-й барон Дансейни рассказал сам себе историю опрокинутого в небеса города, сделал его несбыточной мечтой завоевателей, поселил туда Колдунью, знающую судьбы Мира. А построили этот город, по мнению Лорда, маленькие сказочные народцы.

За «кадром» действия остается слепой Сказитель, спевший молодым и буйным воинам о фантастическом Каркассоне. Он честно предупредил собравшихся в поход молодых людей: «… одно знаю я наверняка и скажу прямо – никогда вам не бывать в Каркассоне!»

Судя по всему, Лорд Дансейни на самом деле так «опрокинул в небо» истинную историю славного города, поруганного крестоносцами. Можно взять штурмом или обманом городские стены и площади, но не души чистых и совершенных людей…

… Итак, молодой воин, наслушавшись песен о красоте призрачного города, оставляет свою Возлюбленную и вместе с отчаянными и смелыми друзьями отправляется на его поиски. В пути все его соратники погибают, Молодой рыцарь остается один. Он чувствует, как его все сильнее опутывают чары Колдуньи-Хозяйки фантастического Каркассона. Великая Багровость облаков поглощает его, Рыцарь слышит звон хрустальной листвы, шепот фей, видит меняющийся лик Луны. Он забывает свою Возлюбленную и остается во власти колдовства навсегда…

Придуманная Лордом Дансейни красивая история с тайным подтекстом внезапно разрушается описанием кровавых событий далекого XIII века, трагедией реального Каркассона, одного из оплотов катарской ереси.

Действующие лица:

Молодой Рыцарь, искатель приключений

Возлюбленная Молодого Рыцаря, девушка с волосами цвета льна

Колдунья, хозяйка фантастического Каркассона

Звездочет, верный спутник Колдуньи

Фея Хрусталя (одна из многих каркассонских фей, самая разговорчивая)

Проказливые Эльфы (сказочные маленькие существа, с прозрачными крылышками. Не имеют отношения к высоким и статным эльфам из произведений Дж.Р.Р. Толкина. Тех обитателей Волшебной Страны то ли подкосила какая-то болезнь, то ли кто-то околдовал, и они превратились в малюток. Маленькие эльфы не боятся солнечного света, но может видеть их только ребенок, родившийся в воскресенье и ставший одной ногой в ведьмино кольцо).

Молодой рыцарь (где-нибудь под раскидистым дубом. Рядом его Возлюбленная, встревоженная тем, что рыцарь то и дело упоминает призрачный город из песен скальдов):

Кудри твои цвета белого льна,
Синь бескрайняя тонет в глазах,
Пряжу прядет для тебя тишина,
И огонь высекает гроза.
В утренних сумерках звонкой весной
Мы бы всюду бродили с тобой,
В дар небеса поднесли бы покой,
Но меня звал к себе Каркассон,
Призрак давней мечты Каркассон.

Возлюбленная молодого рыцаря:

Не верь, милый, скальдам,
Поющим о Каркассоне,
Это даже не узорчатый камень
На покрытом вереском склоне,
Это не город, белей снежных далей,
Там нет колдуньи-подруги печалей,
Там нет потока любви и бессмертья,
Что смог зажечь каплей мертвое сердце.
Каркассон, Каркассон,
Словно крик ненавистных ворон,
Каркассон.

Молодой рыцарь (отталкивает девушку. Меняется на глазах. И вот он уже в походе, в чужих землях):

Я взял свой меч и позвал всех друзей,
В путь отправились мы на заре,
Шли против Рока и воли людей
По чужой и горящей земле.

Шли за волшебной мечтой, побеждать…
Я один лишь остался в живых,
И продолжал, как безумный, искать
Каркассон мой, загадку Судьбы.

Голос Возлюбленной Молодого Рыцаря, прорывающийся сквозь сумрак лесов, сквозь вой ветра и изменчивые дали:

Не верь, милый, скальдам,
Поющим о Каркассоне,
Это даже не узорчатый камень
На поросшем вереском склоне.
Это сон – Каркассон, Каркассон,

Словно крик ненавистных ворон*!*

Молодой Рыцарь (он все больше становится похож на безумца, одержимого одной единственной идеей – увидеть Каркассон):

Счет я теряю и дням, и годам,
Смерть змеею ползет по пятам,
А в небесах надо мной Каркассон –

Тени башен и шелест знамен**.**

Голос Возлюбленной Молодого Рыцаря (ставшей для своего Любимого легким призраком. Она же видит отражение рыцаря в водах застывшего в печали озера):

Опять струны скальдов

Поют нам о Каркассоне,
Да, мы видим узорчатый камень

На покрытом вереском склоне…
Милый стоит над потоком бессмертья,

но так печален и хмур почему-то!

Молодой Рыцарь, откликаясь на слова Возлюбленной. На какую-то секунду сбрасывает навеянное колдовством оцепенение. Он в отчаянии.

Милая, прочь из груди рвется сердце,
Я волшебною сетью навечно опутан.

Возлюбленная Рыцаря и сам Рыцарь:
Каркассон, Каркассон…

Изображение Рыцаря на воде исчезает. Озерная гладь покрывается рябью. Вереница багровых облаков надвигается из-за горизонта…

Звездочет из фантастического Каркассона
(мудрец, восторженный поэт, многовековой спутник Колдуньи. Ему вечно мешает излишняя восторженность. Хотя сам Звездочет этого не замечает. К счастью.)

Воздушные потоки так прекрасны!
На них качается Великая Багровость,
Даря всем облакам нездешний цвет,
Такой оттенок жизни неподвластен,
Той, где царит жестокость и суровость,
Где истинного милосердья нет.

Багровость облаков вот-вот застынет,
И воском оплывет причудливо и странно,
Закончив дело возведенья стен,
Примчатся эльфы и рассыпят лунный иней,
Чтоб превратить его в белейший мрамор –
Он звук шагов берет в волшебный плен.

Фея Хрусталя (в хрустальных башмачках, как Золушка-Синдерелла, в украшенном хрустальными подвесками одеянии):

Хрустальные деревья,
Листва из хрусталя,
Здесь траура осеннего
Не ведает земля,
Здесь радужные птицы
Из колдовских лесов,
Здесь у цветов есть лица,
И у Луны – лицо.
Оно не постоянно,
Меняется оно –
То лик твоей любимой,
Потерянной давно,
То строгий профиль царский-
Великий Александр,
А вот другая маска –
Глядит вниз Чингизхан…

Какой же странный город
Рожден Багровым Сном!
Великих магов гордость.
Зов труб и шелк знамен…

Звездочет из Каркассона, снова путая персонажей легенд, драм и комедий:

Послушай, послушай, не пей вина,
Не пей вина, ты не Гертруда!
Выпей лучше холодной воды, моя милая,
И узнать продолженья легенды будет не трудно!

Продолжает рассказывать историю создания фантастического города. Из воздуха возникают одна за другой описываемые им фигуры. Появляются и бесследно исчезают.

Явилась к эльфам Птица. Полнолуние было в разгаре.
Глаза – изумруды у Птицы. Перья из перламутра.
Она превратилась в Колдунью, что Хозяйкою города станет,
Если друиды-ведуны-ведьмаки рассчитают всё точно и мудро.
Ногами земли не касалась. Не касалась она ступеней,
Ей дарили слезы последних драконов – она эти капли превращала в рубины,
В очертания башен вносила, улыбаясь, свои измененья,
А зазнавшихся троллей и эльфов одним только жестом превращала в павлинов.

Назвала город свой Каркассоном. Допустила крик ворон в сновиденья,
Подхватили ветрА то названье. Разнесли, растащили по свету,
И в капкан колдовской потянулись покорно любители приключений,
Исчезая в краях безымянных, уплывая в Багровость… Бесследно.

Послушай, послушай. Налей-ка вина!
Налей-ка вина, почувствуй себя Гертрудой,
Воду холодную вылей на землю
И представить Колдунью тебе будет не трудно!

Глаза изумруды…
Глаза изумруды…
Драконовы слезы – рубины…

Колдунья. Она появляется из ниоткуда на самой верхней ступени мраморной лестницы. На плече у нее сидит большая ворона. Колдунья горстями бросает сверху рубины, которые у самой нижней ступени превращаются в маленьких лягушек:

Колдунья, я - ведунья…
Зовусь, как нравится!
8 тысяч мне лет,
8 тысяч мне лет,
Смотрите в глаза –
Красавица!

Вечер, умирая, слезы льет,
Расставаясь с моим Каркассоном,
Солнце, пробуждаясь, гимн поет
Мрамору ступеней и колоннам.

Но не мрамор дорог мне, не свет,
А поток из дали необъятной,
Талые снега его меняют цвет,
Горные цветы и кровь безумий ратных.

По спокойному или бушующему,
По нему я гадаю о будущем…

Поцелуй ветра,
Алой воды поцелуй,
В зеркале моего неба –
Воин, идущий ко мне
В наколдованной (мною) тьме.

Я его обниму,
Закружу,
Залюблю,
Обману,
Погублю,
Отнимая мечту о прекрасном
И пророча опасность
Смерти-
Он ведь круг магический не очертит!

Распущу свои волосы –
Реки гневом наполнятся.
Рассержусь и умоюсь слезами я –
Волки к людям помчатся стаями,
А уж если начну я печалиться-
Будет горечь морей нескончаема.
Каркассон, Каркассон,
Призрак самых великих времен,
Быть легендой приговорен.
Заговорен.

Поцелуй ветра,
Алой воды поцелуй,
В зеркале моего неба-
Воин, идущий ко мне,
Один, в мною призванной тьме!

Рядом с Колдуньей появляется Молодой Рыцарь, вернее, его призрак. Он преклоняет перед Колдуньей колени и кладет к ее ногам свой меч.

ЭЛЬФЫ, налетая на Колдунью яркой стайкой. Сбивают с ног Звездочета, кто-то из них наступает на подол переливающегося всеми цветами радуги платья Феи Хрусталя:

На облаке к тебе, Ведунья,
Приплыть бы должен сон волшебный в полнолунье,
Но ветер заигрался с парусами кораблей.
И облако застыло, удивляясь,
Куда же все ветра попутные девались,
Неужто заплутали в раннем золоте полей!

Хей-хей!
А мы соберемся, соберемся,
А мы дунем сами-сами,

Мы же эльфами зовемся-
- Да, зовемся!
И когда-нибудь мы станем снами сами,
Крылатыми снами,
Воздушными снами,
Мы нашу Хозяйку
Укроем цветами,
Украсим цветами,
И выдадим замуж
За рыцаря Ночи!
Так нам напророчил
Багровый Поток…
Хотя ошибиться он мог.
- Нет, не мог!
- Хотя ошибиться он мог!
- Нет, не мог!
- Хотя ошибиться он мог!
- Да не мог!!!

Да мы соберемся-соберемся,
Да мы дунем сами-сами,
Мы же эльфами зовемся, да, зовемся,
И когда-нибудь мы станем снами сами!

И ветер примчится,
Плеснет в наши лица
Причудливым зельем –
Небесной водицей,
Прозрачной водицей!
Мы выдадим замуж в час полнолунья
За рыцаря Ночи
Хозяйку-Ведунью,
Пусть только захочет,
Пусть только захочет!
- А вдруг не захочет!
- Захочет, захочет…
- А вдруг не захочет?
- Захочет, захочет!

Колдунья собирается превратить всех в серебристую пыль, но раздается грозный окрик 1-го СТРАЖА ВРЕМЕНИ:

-ЭЙ! ...

КАРКАССОН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

2-е действие

От легенды о строительстве Каркассона мистическими силами, Колдунье и эльфах переходим к действительным событиям – взятии реального Каркассона крестоносцами Симона де Монфора, изгнании всех жителей города и Совершенных. Они смогли избежать страшной казни на кострах благодаря тому, что хозяин Каркассона виконт Раймонд де Тренкавель добровольно остался в заложниках у де Монфора, ставшего грозой всей Окситании и оставшегося в народном фольклоре в образе свирепого волка. Через три месяца заточения в подземелье благородный виконт умер (то ли от болезни, то ли люди графа де Монфора подсыпали ему яд).

Действие в Каркассоне в результате словесной перепалки самого де Монфора и Тени погибшего хозяина города как бы «откатывается» назад на некоторое время. В июль 1209 года. В те дни крестоносцы с помощью подкупленной ими черни захватили небольшой город Безье и уничтожили все его население, не делая различия между простыми горожанами и проклятыми еретиками. Трагедия этого города получила название «Резня в Безье».

Действующие лица:

1-й Страж Времени

2-й Страж Времени

Изгнанники Каркассона

1- я Девушка, плетущая венки из роз
2- я Девушка, пускающая венки из роз по воде

Совершенные, элита катарских еретиков

Блаженный

Симон де Монфор ,предводитель крестоносцев, жестокий и тщеславный человек

Тень виконта де Тренкавеля, погибшего из-за собственного благородства хозяина Каркассона

Монах-доминиканец, сопровождающий крестоносцев

Бродяги, чернь (Псы Дорог и Развалин)

1-й Страж Времени:

(резко прерывающий веселье эльфов в конце 1-го действия)

Вас кормят ложью и небылицами,

Отравленных ядом до мозга костей,

У каждого времени своя Инквизиции,

Ничто не изменит природу людей.

У каждого времени своя Инквизиция.

На каждый век своя воля приходится,

Мыслить свободно – словно в небе лететь,

Умываясь рассветом, как водою колодезной,

Гореть, отрицая все догмы, гореть,

Умывайтесь холодной водою колодезной.

И такие шли в Каркассон,

Он был алым крестом освящен,

Добрым Ангелом защищен…

Этот город – дело рук человеческих,

Хоть легенды твердят о магии,

Тридцать башен и камни – опора вечности,

Тени крестоносцев у стен Каркассона – лагерем.

Вот Король Арагонский расписался в бессилии,

В сердце его тлела искра огня альбигойского,

Только рыцари не желали отступников миловать.

Костров не зажгли, не пытали…

Изгнали. По-хозяйски. По-свойски.

Изгнали.

И старых, и малых,

Замолчавших блаженных,

Расцветающих и умирающих,

По-хозяйски,

По-свойски…

Изгнание.

Город оставлен на разграбление,

На поругание.

Изгнание.

ИСПЫТАНИЕ.

Изгнанники:

Людская река широка,

Два берега сталью одеты,

Мы слепнем, ступая по острым камням,

Прочь, в темень изгнанья, без права рассвета.

Людская печаль глубока,

Отчаянна и бездонна,

В сердца нам вогнал равнодушие копья

Слуга заблуждений – безжалостный конник.

НО

Блаженны изгнанные,

Блаженны изгнанные за правду,

Блаженны изгнанные,

Блаженны изгнанные за свет,

Ибо Царство Небесное,

Ибо Царство Небесное с нами!

И страдания нет!

Прости, Каркассон, мы ушли,

Бежали, так будет честнее,

Но белые свечи мы все же зажгли,

Последнюю честь так воздав нашей вере.

ДА

Блаженны изгнанные,

Блаженны изгнанные за правду,

Блаженны изгнанные,

Блаженны изгнанные за свет,

Ибо Царство Небесное,

Ибо Царство Небесное с нами!

И страдания нет!

Ярче истины нет!

Нагими вошли в этот мир,

Нагими отсюда уходим,

За спинами пляшут чужие огни,

Людская река – ни мостов нет, ни брода.

С каждым днем

Поток все беднее,

Как же быстро

Река мелеет,

Но с ушедшими ввысь –

Утешение,

Совершенство

И

Утешение.

Душа успокоилась-

Легкое дуновение.

Прикосновение

Невидимки-

Доброго Бога…

Прощай, Каркассон!

1-я Девушка, плетущая венки из роз:

Отчего этот плач, как заноза в сердце?

Знойным летом от холода мне не согреться,

За венком венок плету и бросаю,

На гибель невинность цветов обрекая,

А шипы ранят пальцы, и капельки крови

Горячий песок жадно ловит, вороны злословят…

А эхо всё вторит,

Эхо всё вторит…

1-й Страж Времени:

В Каркассоне торговец был изгнан из храма,

Были все там чисты – и рыцарь, и странник.

Там свечение чаши Грааля

Затмевал блеск воинственной стали,

Там и свечи не гасли белые,

Были там и верные, и совершенные…

СОВЕРШЕННЫЕ:

Мы были совершенны. Были.

Мы были целомудренны. Были.

Мы были одеты в черное. Были.

И верили безупречному Ангелу.

В нечистом мире добро мы дарили.

Выл Зверь Откровения – его победили,

Плясала блудница – танец светом затмили,

Ни пожарищ позорных, ни факелов.

Наш огонь – огонь чистоты,

Наш огонь – огонь озарения,

Поглощающий Демона,

Убивающий демонов,

Оставляющий в сердце следы.

Никакой роскоши, никаких золотых,

Ни набитых бархатом кладовых,

Ни богатой тяжелой утвари,

Мы были совершенны на своем пути,

Мы были мудрыми,

Чистыми христианами,

Нас звали «добрыми людьми» в Окситании.

Окситания!

Окситания!

Окситания!

Окситания!

Поцелуй мира тебе дарован,

Но украден крестовым походом!

Мы были совершенны. Были.

Мы были целомудренны. Были.

Мы были одетыми в черное. Были.

И верили безупречному Ангелу…

1-й Страж Времени

Вас звали «добрыми людьми в Окситании»?!

Окситания!

Окситания!

Окситания!

Окситания!

Всё разграблено и сожжено.

Молчание…

Добрый человек –

Напоминание о романе,

За старый век цепляется новый,

А мы книгу листаем и видим в тумане

Доброго человека с лицом Крысобоя,

Доброго человека с лицом Пилата,

Всадника Золотое Копье…

И того, дрожащего, в рваном халате.

Улыбайся, добрый человек,

Улыбайся,

Изнывая от лихорадки и ран,

Улыбайся, добрый человек,

Улыбайся,

Гибнущим в ереси временам.

Что одному ересь – другому вера святая,

Кто-то с нею воюет,

Кто-то за нее погибает,

Улыбайся, добрый человек, улыбайся!

У святого Петра есть ключи не только от Рая…

(Появляется Блаженный, умеющий читать будущее, слышащий Голоса и видящий Ангелов. Позвякивает ржавыми ключами от давно не существующих дверей домов катаров).

2-я ***Девушка, пускеающая венки из роз по воде***

Блаженный, блаженный,

Скажи, что было,

Блаженный, блаженный,

Скажи, что будет,

Блаженный, блаженный,

Скачут рыцари, ночь в тревоге застыла,

Блаженный, блаженный,

Скажи, кто спасет, а кто нас погубит,

Кто надвое судьбы разрубит!

БЛАЖЕННЫЙ:

Блаженный всё знает,

Блаженный всё знает,

Небо мне доверяет!

Жадность в карете епископа,

Хитрость с лицом кардинала,

Все желанья злым богом записаны

В темной книге их жизни, в самом начале.

Кровью, кровью

Земле умываться,

Всюду костры еще запылают,

Лжеслужителей в золоте стоит бояться,

Лжефанатиков остерегаться,

Блаженный всё знает,

Блаженный всё знает,

Небо мне доверяет.

Крепости будут разрушены,

Верные сгинут в темницах,

А поход мародеров за душами

Повторится опять и опять повторится.

Я чую ненависть вечную,

Вижу безумие бури,

Долгой битвой за власть покалеченных,

Вижу гибель Безье, каркассонский исход,

И крушенье последнего – Монсегюра.

Кровью, кровью

Земле умываться,

Всюду костры еще запылают,

Лжеслужителей в золоте стоит бояться,

Лжефанатиков остерегаться,

Блаженный всё знает,

Блаженный всё знает,

Небо мне доверяет.

Камень блаженному, что твое перышко,

Бросят мне в спину – вырастут крылья,

Повезет перед смертью – вымолю солнышко,

Да сгорю в его лучах,

Разлечусь над Окситанией пылью….

1-я Девушка, плетущая венки из роз:

Отчего это песня занозой в сердце?

Знойным летом от холода мне не согреться,

За венком венок я теперь расплетаю,

На гибель невинность цветов обрекая..

Ничего не видеть, не слышать. Не знать,

Ничего не видеть. Не слышать, не знать,

Просто жить и дышать,

Просто жить и дышать,

И дышать…

2-й Страж Времени:

Послушай, девушка, с цветами в волосах,

Плетущая венки из непокорных роз,

Идут солдаты с арбалетами в руках,

И мчатся крестоносцы на конях,

Для Окситании настало Время Гроз.

Молись о Тренкавеле в час ночной,

Во имя Жизни он пошел на Смерть,

И от сожжения он спас не только город свой,

Но Совершенных спас такой ценой,

Что доблести его мы будем гимны петь!

Слишком молод, чтобы умереть,

Виконт де Тренкавель,

Слишком благороден, чтоб предать,

Виконт де Тренкавель,

Он ушел на утренней заре

С Утешителем Эпохи Водолея навсегда,

Виконт де Тренкавель,

Молод, милосерден, смел,

Виконт де Тренкавель,

Молод, милосерден, смел –

Он спасал Каркассон

И спас Каркассон.

Граф СИМОН ДЕ МОНФОР

(грубо, агрессивно, с напором)

Уши и хвост отрубить не мешает

Тем, кто против ветра лает,

Серою пахнет катарская ересь,

Я уничтожу противником Веры,

Я выжил в битвах за Гроб Господень,

Значит, Господу я угоден –

Он и теперь направляет мой меч…

ТЕНЬ ДЕ ТРЕНКАВЕЛЯ

(возникает из темноты за спиной графа)

Какая речь, де Монфор!

Что за грозная речь!

Чужое золото заставляет страдать,

Чужие земли не дают тебе покоя,

От жадности решил ты убивать,

Выдавая убийство за дело благое,

Остался в прошлом Иерусалим,

И в прошлом осталась кровь сарацинов,

Симон де Монфор, знаем, непобедим,

Не превзойден в истребленье невинных.

Вся доблесть твоя оплывает свечой,

Ты волком останешься в наших преданьях,

Опомнись, воспетый Святою Землей,

Принявший свой крест для чужого страданья!

СИМОН ДЕ МОНФОР:

(издеваясь над Тенью виконта)

Кто ты? Теперь ты – тень,

Призрак из подземелья,

Гниль соломы и звон цепей,

Вот и всё, что ты обрёл.

Эй. Виконт де Тренкавель,

Право, что за канитель!

Яви мне свет!

Или веры нет?

Где же чаша. Где Грааль,

Что ж молчишь ты, отвечай!

Угас твой пыл?

Ты всего лишь пыль!

ТЕНЬ ДЕ ТРЕНКАВЕЛЯ:

Буду у тебя за спиной – всегда и везде!

Помни о Каркассоне, Монфор,

Об убиенных в Безье

Месяц-другой назад!

Пусть дым костров заставит слезиться глаза,

Ни один из живущих не поверит таким слезам,

Стекая по щекам, превращаются слезы в кровь,

И ничем, никогда не смы ть этих алых следов,

А я буду у тебя за спиной всегда и везде,

Бойся же Тулузы, Монфор,

И памятуй о Безье!

1-й Страж Времени:

Всегда и везде

Резня в Безье,

Резня в Безье!

Пожар и разбой!

МОНАХ-ДОМИНИКАНЕЦ:

Июльское утро. Жара ищет хворост для ярких костров,

И полнится воздух предчувствием славной победы,

Смешны горожане – барона смогли бросить с воплями в ров,

Пошли на войска, искусства войны не изведав, но с грузом грехов.

Убейте их всех! ТАМ Господь непременно узнает своих,

Прекрасная фраза, но сказана, правда, не мною,

Пусть мерзкие твари бегут, чтобы спрятаться за алтари,

Церковные своды от гнева небес не укроют, а мы наготове.

От крови пьяна, беспощадна к отступникам рвань,

Как свора собак одичавших дерется и воет,

Простим ей грехи – над толпой простирается Господа длань,

Огня же, огня! Причудливо племя разбоя и пламя разбоя.

Убейте их всех! ТАМ Господь непременно узнает своих.

БРОДЯГИ, нанятые крестоносцами для уничтожения Безье:

Вперед, бродяги!

Псы дорог и развалин,

Нас ждет великая передряга,

Кто в ней выживет – будет славен.

Точи-ка свой нож поострее,

Мы идем вырезать,

Мы идем убивать

Проклятую ересь!

Вперед, бродяги!

Мы устроим им праздник,

Порой и вор – кум и сват отваге,

Выжигаем дотла проказу.

Ворота штурмуй побыстрее!

Мы идем вырезать,

Мы идем убивать

Проклятую ересь!

Резня в Безье,

День святой Магдалины,

Резня в Безье,

Небо, полное дыма,

Резня в Безье,

Запах страха и крови,

Псы дорог и развалин

Всегда наготове,

Псы дорог и развалин

Всегда наготове!

МОНАХ-ДОМИНИКАНЕЦ

Убейте их всех! ТАМ Господь непременно узнает своих.

От крови пьяна, беспощадна к отступникам рвань,

Как свора собак одичавших дерется и воет,

Простим ей грехи – над толпой простирается Господа длань,

Огня же, огня! Причудливо пламя разбоя.

Убейте их всех! ТАМ Господь непременно узнает своих.

СОВЕРШЕННЫЕ:

(в противовес бродягам с их «ничем мы были, ничем остаемся)

Окситания!

Окситания!

Окситания!

Окситания!

Поцелуй мира тебе дарован,

Но украден крестовым походом!

Мы были совершенны. Были.

Мы были целомудренны. Были.

Мы были одетыми в черное. Были.

И верили безупречному Ангелу.

МОНСЕГЮР.
ХРАМ СОЛНЦА.
3-е действие

Последний мощный аккорд сопротивления катаров Римской церкви и королю Франции. Одна за другой пустеют катарские крепости, пустеют замки, пылают костры инквизиции. Остается в горах дивная крепость Монсегюр, в которой, по легенде, среди прочих сокровищ хранилась Чаша Грааля. Никто до сих пор не знает, как эта чаша выглядела: то ли это был сосуд в виде чаши, то ли блюдо, то ли драгоценный камень (по одной из легенд это был выпавший из короны Люцифера красивейший изумруд). В любом случае Чаша помогала только тем, кто был чист душою – она возвращала молодость, залечивала раны, проясняла ум… Владели ли катары таким сокровищем – неизвестно. Но когда стала ясной судьба укрывшихся в Монсегюре последователей учения катаров, четверо храбрецов под покровом темноты вынесли из крепости Чашу и другие ценные предметы, будь то рукописи или что-то еще. В крепости оставалось около 200 катаров, несколько десятков рыцарей и оруженосцев.
Крестоносцы осаждали крепость долгие месяцы, но безрезультатно. Наконец, в марте 1244 года была достигнута договоренность – катары могут уйти из крепости, как когда-то уходили из Каркассона – раскаявшись в своей ереси. Но обитатели Монсегюра предпочли костер отречению от своих убеждений.16 марта над ними был совершен обряд Утешения, все, кто еще не были Совершенными, стал ими. И они, Совершенными, добровольно отправились на костер.

Действующие лица:

1-й Страж времени
2-й Страж времени
Благородная Дама
Колдунья (из фантастического Каркассона)
Композитор-Сочинитель
Крестьянин (Монсегюрский Иуда)

Монах-Доминиканец
Рыцарь Фиолетового Плаща
Катарский Епископ
Молодой Альбигоец
Призрачные Голоса
Совершенные

2-й **СТРАЖ ВРЕМЕНИ**

(аккуратно складывая карту Окситании и убирая ее в ящик старинного дубового письменного стола. Он не видит больше необходимости разглядывать ее, выискивать города и крепости, за стенами которых нашли приют «добрые люди» и их последователи).

Словно орлиные гнезда
Альбигойские монастыри,
В них никто не разводит огонь,
Уже год, как они пусты…
Жив Монсегюр – крепость-лодка,
В ней ждет путников строгий Харон,
Или все-таки это – звезда,
Воплощенная в камне лучом?
Жив Монсегюр – в нем спасенье,
Он последний хранит чистый свет,
Совершенные дуют ветра
И без малого – тридцать лет!

Монсегюр – будет всем Утешенье,
И раскинется Поле Сожженных,
Монсегюр!
Монсегюр!
Монсегюр!
Но пока слышат стены
Голос Дамы, тайно влюбленной,
Над Совершенством берет вверх природа,
Будь ты благородных кровей
Или никем из народа.

БЛАГОРОДНАЯ ДАМА

(собирательный образ, без конкретного имени. В ее арии

звучат отсылки к легенде о весьма чтимой в те времена Экслармонде, но не следует относить этот оперный образ конкретно к такому яркому историческому персонажу. Дама одна в своих покоях, смотрится в маленькое зеркало, горюет из-за появившейся первой морщинки)

Далекий рыцарь мой,
Сегодня мне приснился самый странный сон,
А сны мои сбываются, ты знаешь,
Над Монсегюром – ветер, молнии и гром,
Сам Люцифер жестокое кольцо свое сжимает.

Далекий рыцарь мой,
В том сне друзья уносят наши тайны прочь,
Скользя над пропастью в ночи как тени,
Но только наша вера может им помочь,
И эта мысль мне дарит в сновиденьях утешенье.

Далекий рыцарь мой!
Во сне сокровища друзьями спасены,
Но молния раскалывает гору,
Меня в голубку превращает… что за сны,
Но с вещим сном одни безумцы только вечно спорят.

Я вся дрожу и воздуха мне мало,
Ах, как голубкой я во сне взлетала
Над дымом разгоревшихся костров.
Далекий рыцарь мой,
Спеши ко мне, сними осаду снов,
Набрось на плечи мне
Плащ темно-фиолетового цвета,
Цвет сумерек не распустившегося лета,
Для нас последняя весна не за горами,
Далекий рыцарь мой!
Храм Солнца ждет,
Храм Солнца ждет,
Мы ярким светом скоро станем сами!

(Продолжает смотреть в маленькое зеркало – в те времена больших еще не делали, и технология была совсем другая…

Любуется на собственное отражение. Но в какой-то момент вместо себя видит лицо Колдуньи из фантастического Каркассона. Колдунья путешествует по мирам, скучая от своей однообразной жизни в крепости, созданной человеческой фантазией.)

КОЛДУНЬЯ

(саркастически, с издевкой. Ее явно раздражает вид красавицы, которая в таком почете у катаров, и за чувствами которой она так удачно подглядывала из глубин фантастического багрового потока).

Зови, зови того, кого ты любишь больше всех,
Но ты любовь свою должна скрывать,
Вам, Совершенным, не до сладостных утех,
В объятьях страсти Совершенным не сгорать.

Вы так смешны в оковах вашей чистоты,
И лжете, как любой из смертных здесь,
В глубинах замков, под покровом темноты
Теряете вы стыд, а с ним и эту… честь.

Что конюх, что монах, что рыцарь, сердцу дорогой,
В мечтах давно сорвали венчик твой…

Колдунья – я- Ведунья,
Зову себя, как нравится,
Мне 8 тысяч лет,
Посмотри мне в глаза –
Красавица!

Границы всех миров я нарушаю, как хочу,
От скуки проявляясь в зеркалах
Подобно быстрому волшебному лучу –
Очаровательна и колдовству мила.

Вы – словно стадо, а пастух ваш – негодяй,
Вы просто мясо, что поджарят на углях…
Ты – молода. Греши, люби, гуляй,
Роди себе ублюдка и оставь всех в дураках!

А нет, так бейся, как и рыцарь, сердцу дорогой,
Руби того, кто, кто оскорбляет выбор твой!

БЛАГОРОДНАЯ ДАМА

(с омерзением бросает на пол зеркальце, на поверхности которого по-прежнему изображение Колдуньи. Оно то расплывается темным пятном, то собирается в одну искрящуюся точку, то начинает пузыриться).

Ко мне, друзья мои!
Сломайте зеркала,
В мерцанье их глубин
Таится призрак зла,
Мы – дети Света, мы,
Мы будем спасены!

КОМПОЗИТОР-СОЧИНИТЕЛЬ

(бесцеремонно вмешивается в разговор, находясь в легком подпитии и отличном настроении. Обращается к испуганной Благородной Даме, случайно вспомнив фразу, сказанную одним из деятелей официальной церкви воспеваемой катарами Графине де Фуа, когда она решила вступить с ним в теологический спор).

Эй, госпожа, прядите свою пряжу,
Прядите свою пряжу, госпожа,
Все ваши рыцари стоят на страже,
И отличиться доблестью хотят.

А нам оставьте вздор ночных фантазий,
К звезде не меркнувшей чуднОй полет –
И не цепляйтесь, я прошу, за фразы.
Порою сочинитель и соврет!

Ум сочинителя сродни машине,
Сверкающей, летящей сквозь туман,
Нас часто обвиняют (без причины),
Что мы давно сошли с ума…

Сошли с ума не мы – кто запрещает
Быть то Нероном, то вампиром быть,
Ведь входишь в образ, если пьесы сочиняешь,
Так что позвольте все запреты запретить!

Прядите пряжу,
Да, прядите пряжу,
Страж Времени всё знает
И расскажет –
Что будет, что было,
Что было, что будет,
Он – неподкупен,
Беспристрастен
И жесток,
Он знает цену людям,
Но – молчок!

1-й СТРАЖ ВРЕМЕНИ

(*как всегда строг, делает вид, что не замечает Композитора-Сочинителя. Страж продолжает рассказ о событиях тех дней)*

У каждого времени своя инквизиция,
Иуды свои с неприметными лицами,
Неважно – красавцы они или чудища,
Иуды есть в прошлом, сегодня и в будущем,

И в нашей истории тень бродит иудина,
При полной луне, в ярком свете полуденном,
Так стоит ли делать видимым то,
Что стало невидимым. Знает лишь Бог!

Бридж:
На развалинах Монсегюра
Много желающих смысл разгадать,
Но я слышу, как Посвященные
Шепчут в ночи: «Ни-ког-да!»

Припев:
«Никогда,
Никогда», -
Откликается даль,
«Никогда,
Никогда», -
Этот шепот пронзает года.
Никогда.
НО ИУДА ДЛЯ КАЖДОГО НАЙДЕТСЯ ВСЕГДА!

КРЕСТЬЯНИН
(МОНСЕГЮРСКИЙ ИУДА)

(по легенде один из местных жителей провел крестоносцев по секретной дороге к неприступному Монсегюру. И взял за свое предательство 30 сребренников).

Тридцать монет. Серебристых и звонких монет…
Я – парень из честных. И большего с вас не возьму,
Готов провести в Монсегюр по секретной тропе,
Лишь тридцать всего – и по совести, и по уму.

Имя мое? Нет у нищих красивых имён,
Там, в крепости, горы сокровищ, а рыцарей нет,
Пятнадцать всего, говорят,… не густо для войн,
А, может, чуть больше – но я в стороне, в стороне!

Да, серебро душу мне согревает!
Но об этом никто не узнает,
Никто не узнает,
Если только шепну я дурехе-жене -
Мы не спорили о цене.

С голода сдохнуть до лета успею всегда,
Троих ребятишек забрал всемогущий Господь,
И вовремя Он в утешение мне вас послал,
За пролитый в долгой заботе о хлебе мой пот.

Тридцать монет. Серебристых и звонких монет…
Я – парень из честных. И большего с вас не возьму,

Готов провести в Монсегюр по секретной тропе,
Лишь тридцать всего – и по совести, и по уму.

Да, серебро душу мне согревает!
Но об этом никто не узнает,
Никто не узнает,
Если только шепну я дурехе-жене -
Мы не спорили о цене.
Мы не спорили о цене.

МОНАХ –ДОМИНИКАНЕЦ

(постаревший, но идущий с крестоносцами покорять последний оплот альбигойцев)

Причудливо сходство!
Я мысли гоню прочь о странной цене,
Пусть полнится воздух
Предчувствием славной победы,
Но где-то подвох скрыт –
Быть может, секрет спрятан в ранней весне,
Раскаянья нет. Смирения нет. И отсюда все беды.

Сожгите их всех!
Там Господь непременно узнает своих,
Прекрасная фраза, но сказана, правда, не мною,
Могли бы в молчании из Монсегюра
От смерти уйти…
Да захлебнитесь вы светом, волной огневою!

Дыханьем своим больше мир вам не дам осквернять,
Закон и порядок отныне в земле окситанской,
Но демон сомненья всё чаще терзает меня,
Неужто и мне извиваться и корчиться
В пламени адском?

Сжигайте их всех!

Там Господь непременно узнает своих,
Не спит Искуситель – я вижу как в небе вечернем
Таинственный рыцарь, из верных катарам, летит,
И я начинаю понимать эту ересь и верность…

Фиолетовый плащ,
У него фиолетовый плащ,
Что и кровью пропитан, я знаю, и гарью,
И мне слышится плач,
Окситании горестный плач…
Прочь, изыйди, лукавый! Сгинь, Дьявол!!
Фиолетовый Рыцарь Печали!

ТАК ЖГИТЕ ИХ ВСЕХ!
ТАМ ГОСПОДЬ НЕПРЕМЕННО УЗНАЕТ…

РЫЦАРЬ ФИОЛЕТОВОГО ПЛАЩА
(*появляясь из сумерек, словно услышав голос монаха)*

Никуда не исчез и в костер никогда не был брошен,
Вновь игра серых сумерек дарит невидимость мне,
Неудачно шутил я когда-то, но в слове моем все же точен –
Смерть Монфора в Тулузе привиделась светом во тьме.

Мудрый Мерлин учил ловко двигать и замки, и горы,
Убаюкивать змей, выпивая бесстрашно их яд,
С трубадурами мертвыми вел о тайнах поэзии споры,
Но вся магия древних спасти не смогла от несчастий меня.

Фиолетовый плащ,
Как тяжел фиолетовый плащ,
Он и кровью пропитан, и болью, и гарью,
Южной Франции плач,

Разоренной моей Окситании плач,
Я по-прежнему с ней,
Фиолетовый Рыцарь Печали.

Тот, кто создал наш мир, взял меня в свою шумную свиту,
Но когда мы летим на конях вороных над землей,
Я, как истинный рыцарь, с искрящимся сердцем, Любовью разбитым,
Вновь слагаю свой Плач о друзьях, совершенных душой.

Плач о девах прекрасных, сменивших свой бархат на пламя,
Плач о тех стариках, что так гордо взошли на костер,
Монсегюр кораблем подо мной проплывает ночами и днями…
Пять углов нашей тайны никто не открыл до сих пор.

Фиолетовый плащ,
Как тяжел фиолетовый плащ,
Он и кровью пропитан, и болью, и гарью,
Южной Франции плач,
Разоренной моей Окситании плач,
Я по-прежнему с ней,
Фиолетовый Рыцарь Печали.

1-й СТРАЖ ВРЕМЕНИ

Мы знаем, что истина становится догмою,
Тираны таятся в мятежниках прОклятых…
Но речь не о том – Монсегюр стал наш кодою
Альбигойской симфонии, отчаянной нотою!

Мой последний аккорд – Монсегюр,
Мой потерянный дивный аккорд,
Что заставляет повторять до сих пор
Эхо гор:
«Какая честь гонимым быть
И ненавидимым прослыть
В подлунном мире!»
В подлунном мире…

КАТАРСКИЙ ЕПИСКОП

(один из тех, кто был в осажденном Монсегюре, и который совершил последний, таинственный, обряд Утешения над обитателями крепости перед тем, как катары добровольно отправились на костер)

Луна и Солнце на чаше весов,
Весеннее солнцестояние.
Мы в окружении жестоких врагов.
Весна всё знает заранее.

Мы не сдаемся. Верны мы себе,
Да будем вам Утешение,
Мы жили, как ангелы, не во грехе,
Остались мгновения.

Шестнадцатое марта.
Зима оплакивает свои утраты.
Крещенные светлым Духом,
Поддержим же, добрые люди, друг друга!

Пусть Святой дух сойдет на тебя,
И будет спасена душа твоя…

Отречься можно, спасая себя,
Сдать Монсегюр инквизиции и слугам Люцифера,
Всё, завершается писания катарского глава,
Мы родились от Бога… и к Нему я отправляюсь первым.

Блаженные казненные,
Блаженные казненные за правду,
Блаженные казненные,
Блаженные казненные за свет,
Ибо Царство Небесное,
Ибо Царство Небесное с нами
И страдания нет!

МОЛОДОЙ АЛЬБИГОЕЦ
(молодой, с горящими глазами, возможно, не до конца понимающий еще, чем закончится эта история)

Пусть кружАтся белые свечи,
Что горели в наших домах,
Улетая искрами в Вечность,
Отражаясь в чьих-то глазах,

Поклонитесь Полю Сожженных,
Гимны пойте Чаше Грааля,
Мы не из племени обреченных,
Мы знали Тайну. Мы Тайну знали.

Положите руки на камни-
Альбигойская грянет гроза,
Тем, кто верит, нет в мире равных,
Вы услышите голоса,

Положите руки на камни-
Альбигойская грянет гроза,
Тем, кто верит, нет в мире равных,
Вы услышите голоса:

ПРИЗРАЧНЫЕ ГОЛОСА

Представь, что свет повсюду,
Он заполняет жизнь
Уставших жить в печалях,
Уставших жить во лжи,
Представь, мы – дети света,
w
Нет сумерек и тьмы,
Но крест в объятьях розы
Придумали не мы…

Мы не помним себя,
Помним, как льется свет,
Этот поток Судьба
Никогда не сведет на нет,

Свет проходит сквозь нас,
Увлекает в Любовь за собой,
Утешеньем полна
Песня Ангела с белой свечой.

Только помни:

«Если горит у соседей стена,
Может сгинуть в пожаре дом твой!»
Свет проходит сквозь нас,
Увлекая в Любовь за собой!

Свет проходит сквозь нас,
Увлекает в Любовь за собой,

Свет проходит сквозь нас,
Увлекает в Любовь за собой…

«Пока у вас будет Свет,
Пока у вас будет Свет,
Верьте в него
И станете чадами Света,
Детьми Непрерывного Света!

КАТАРСКИЙ ЕПИСКОП

Пока у вас будет Свет,
Пока у вас будет Свет,
Верьте в него
И станете чадами Света,
Детьми Непрерывного Света!
Пока у вас будет Свет,
Пока у вас будет Свет,
Верьте в него.

МОЛОДОЙ АЛЬБИГОЕЦ

Они думали – приползем на коленях,
Они думали – мы каяться будем,
Корчась на серых ступенях,
Глупые, ничтожные люди!

Слушай, молодость – это вера и сила,
И Любовь, друг мой, к дарующей Истину,
В пламя войдем… зола за ночь остынет,
Но нашу звезду на камне высекут.

1-й СТРАЖ ВРЕМЕНИ

Ограда из кольев и веток,
Хворост сухой и солома,
Нетерпение весеннего ветра,
Звон цепей, осужденным знакомый,
Один за одним – первым - епископ Тулузы,
Всего их было около двухсот,
Плоть сгорит – она не будет больше душе обузой,
Царство Небесное рядом,
Царство Небесное ждет…
Едкий запах щекочет ноздри,
Католический епископ громко читает PATER NOSTER.

Мой последний аккорд – Монсегюр,
Мой потерянный дивный аккорд,
Что заставляет твердить до сих пор
Эхо гор:

«Еретик не тот, кого с восторгом сжигают,
А тот, кто разжигает, ликуя, костер!»

ИНСТРУМЕНТАЛ

2-й СТРАЖ ВРЕМЕНИ
(у памятника сожженным альбигойцам)

Предрассветной порою Святой Иоанн
Долго бродит по Полю Сожженных,
И у камня с лучами катарской звезды
Тихо шепчет молитву свою,
О христианской любви, за которую здесь
Превратили в костры Посвященных,
И о тех четверых, что, спасая Грааль,

Покидали в грозу Монсегюр.

И святой Иоанн невидимкой пройдет
В дом, где правят летучие мыши,
Там монеты годами лежат на столе,
И темнеют, как всё серебро,
Фиолетовый плащ был на том,
Кто расправился
С подлым Иудой неслышно,
Остальных он не тронул. Они разбежались,
Всем сердцем поверив в злой рок.

Предзакатной порою Святой Иоанн
Неохотно уходит в багровость,
Прочь от камня с лучами катарской звезды,
И от красных, и желтых цветов,
Он – один из последних, кто знает
Великое Светлое Слово,
Что могло бы открыть лабиринты и знаки
Альбигойских далеких миров…

Но пока он не видит достойных –
Те же битвы за власть, жажда денег,
Те же войны и пыльные догмы
И разброд в умах поколений.

И святой преклоняет колени,
Укрощая молитвой мгновенья,
Чтобы светом по чьим-нибудь венам
Потекли вдруг слова Совершенных.

ПЕСНЯ СОВЕРШЕННЫХ

Мы были совершенны. Были.
Мы были целомудренны. Были.

Мы были одеты в черное. Были.
И верили безупречному Ангелу.
В нечистом мире добро мы дарили.
Выл Зверь Откровения – его победили,
Плясала блудница – танец светом затмили,
Ни пожарищ позорных, ни факелов.

Наш огонь – огонь чистоты,
Наш огонь – огонь озарения,
Поглощающий Демона,
Убивающий демонов,
Оставляющий в сердце следы.
Никакой роскоши, никаких золотых,
Ни набитых бархатом кладовых,
Ни богатой тяжелой утвари,
Мы были совершенны на своем пути,
Мы были мудрыми,
Чистыми христианами,
Нас звали «добрыми людьми» в Окситании.

Окситания!
Окситания!
Окситания!
Окситания!
Поцелуй мира тебе дарован,
Но украден крестовым походом!

Мы были совершенны. Были.
Мы были целомудренны. Были.
Мы были одетыми в черное. Были.
И верили безупречному Ангелу…

THE END